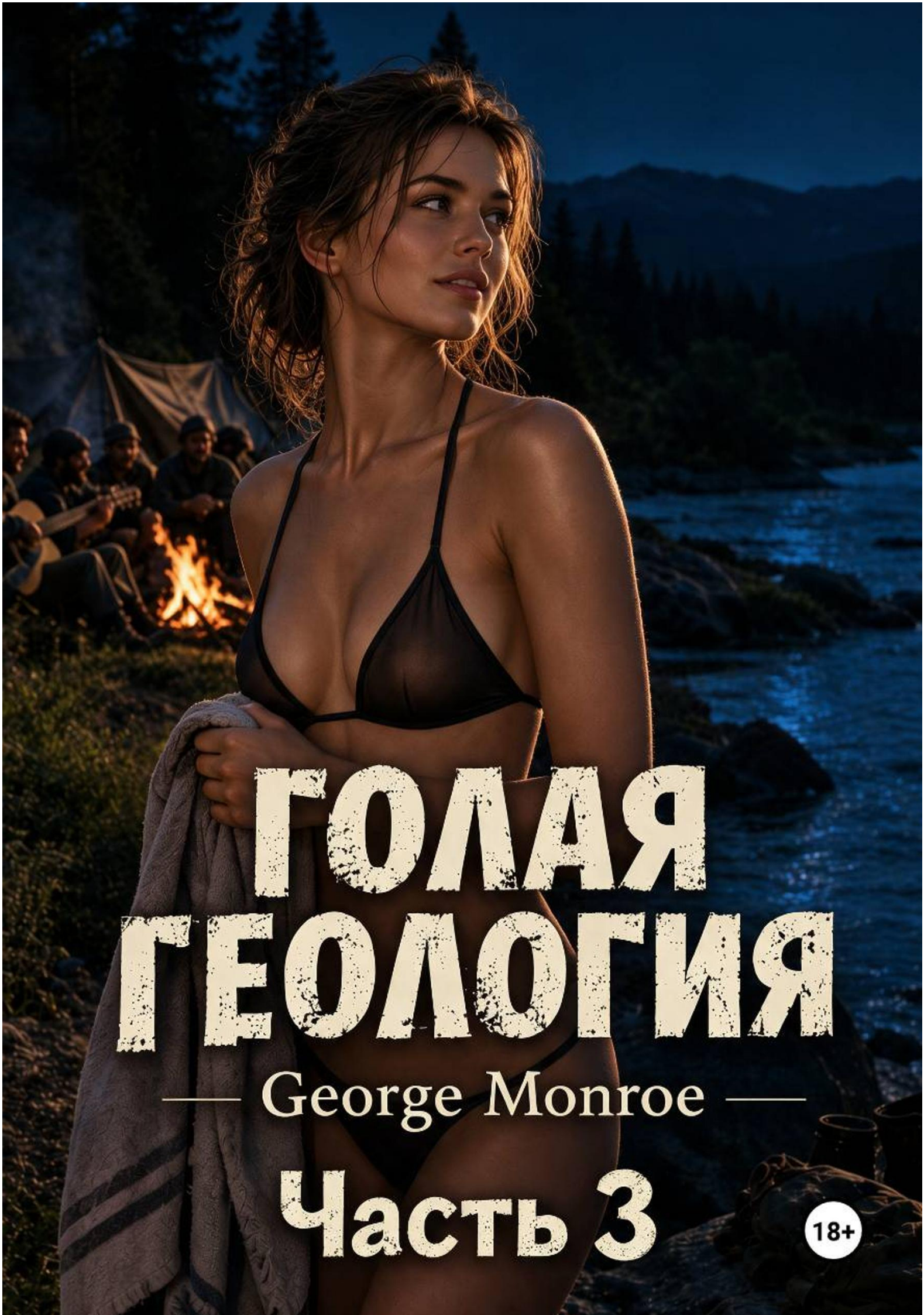
ГОЛАЯ
ГЕОЛОГИЯ
George Monroe
Часть 3
18+

George Monroe

Голая геология. Часть 3

«Автор»
2026

Monroe G.

Голая геология. Часть 3 / G. Monroe — «Автор», 2026

Западная Сибирь. Сентябрь 1980 года. Полевой сезон подходит к концу. Впереди — возвращение домой, но геологам ещё предстоит пережить несколько дней, которые они вряд ли забудут.Ночная тревога, загадочное возвращение из прошлого и история, которую не принято обсуждать вслух, нарушают привычный порядок жизни лагеря. Что произошло на самом деле? И почему некоторые вопросы лучше оставить без ответа?Для Полины тайга становится местом неожиданных открытий. Здесь она уже не та робкая девушка, которая впервые приехала в экспедицию. Среди семерых мужчин она всё свободнее чувствует себя в мире, где нет места притворству, а телесная близость — часть особых отношений, складывающихся вдали от цивилизации.Но у свободы есть своя цена. И не всякую тайну можно оставить в поле.

© Monroe G., 2026
© Автор, 2026

George Monroe
Голая геология. Часть 3

Голая геология
Часть 3

1. Возвращение

– Горячую воду! – еще издали крикнул Иван. – И все медикаменты! Живо!

Каплан среагировал первым.

– В штабную! Там аптечка!

– Сейчас! – метнулся к землянке Пашка.

Винт подхватил фонарь и, сделав несколько шагов навстречу, осветил дорогу товарищам.

Иван Семенович шел первым. Палыч и Леха, сгорбившись и тяжело ступая, тащили носилки. Рядом с ними, то забегая вперед, то возвращаясь обратно, металась большая охотничья собака.

Человек на носилках не двигался. Свет от костра и фонарей выхватывал из темноты все больше деталей: спутанные волосы, грязная изношенная обувь, разорванные штаны, окровавленная куртка…

Полина почувствовала, как внутри все холодеет. Еще несколько минут назад она держала карабин и ждала появления кого угодно – зверя или того ночного чужака в неизвестном обличии, который уже дважды тревожил лагерь своим появлением. И теперь этот чужак был перед ней – беспомощный, израненный, слабый.

Иван Семенович подошел к костру первым. Его лицо было измученным, усталым. На правой щеке темнела полоса грязи, на виске запеклась кровь. Рукав у куртки порван, брюки мокрые до колен.

Палыч выглядел не лучше. А Леха вообще шел, опустив голову и дыша с глухим хрипом.

– Ставьте за землю, – распорядился Каплан. – Пока на землю.

Носилки осторожно опустили возле костра. И только теперь Полина разглядела, кого они принесли.

Это была женщина, возраст которой на первый взгляд определить было сложно. Она лежала неподвижно, завернутая в то, что раньше называлось одеждой. Волосы спутались и слиплись. Лицо было серым, худым, почти прозрачным. Под глазами – глубокие темные впадины. На щеке несколько царапин. Левая рука безвольно свисала с носилок.

– Боже… – прошептала Полина.

Каплан уже опустился на колени.

– Фонарь! Светите сюда!

Винт направил свет. Отогнав от носилок собаку, Каплан быстро осмотрел женщину.

– Жива. Дыхание слабое, но ровное.

Он приложил пальцы к шее. Уловив слабый пульс, покачал головой и приступил к осмотру окровавленного плеча.

Чтобы добраться до раны, пришлось распороть охотничьим ножом пропитанный кровью рукав брезентовой куртки. Рана оказалась свежей и продолжала сочиться кровью.

– Пулевое. Навылет. Кость цела, артерия не задета. Но крови потеряла прилично, – оценил Каплан. И добавил: – Давайте-ка, братцы, переложим ее на стол. Надо обработать рану и зашить…

Весь лагерь пришел в движение.

Полина проворно освобождала стол от тарелок, ложек, хлеба…

Пашка разбирался с аптечкой.

Вартанян подкинул в костер дровишек и кипятил воду в чайнике.

Винт двигал и подвешивал фонари, освещая будущую «операционную».

Леха притащил чистую простынку и пару полотенец…

Прибранный стол накрыли простынкой. Женщину уложили поверх нее, сняли с нее то, что раньше было брезентовой курткой и свитером. Лифчика под одеждой не оказалось. На женщине остались только грязные рваны штаны.

Мужики отошли от стола на пару шагов, предоставляя Каплану свободу и пространство. Даже собака, будто понимая значимость момента, отошла в сторонку и села в ожидании. Помимо Иосифа рядом со столом остался Пашка, держащий разделочную доску, покрытую чистым полотенцем. На полотенце были аккуратно разложены бинты, вата, шприцы, иглы, несколько пузырьков и ампул. В качестве ассистента Каплан выбрал Полину и подал ей вторую пару тонких резиновых перчаток.

– Света мало, – ворчал он, обмывая поврежденную руку женщины.

– Все фонари здесь, – робко возразил Винт.

– Для осмотра и обработки раны – достаточно. А чтоб зашить – маловато. И плесните в таз холодной воды – слишком горячая…

Вартанян разбавил горячую воду холодной. Винт сбегал в «штабную» за керосиновой лампой. Правда, светлее в «операционной» не стало.

Каплан неплохо знал фельдшерское дело. Хорошенько промыв рану теплой водой, он промокнул ее края марлей и обработал кожу вокруг ватным тампоном, смоченным йодом.

Женщина по-прежнему не приходила в сознание. Но когда Иосиф набрал в шприц новокаин и сделал несколько уколов вокруг раны, она едва заметно вздрогнула.

– Чувствуешь? – спросил он ее.

Она не ответила. И даже не открыла глаз.

– Ладно, – проворчал он. – Любая реакция – уже неплохо. Зашью, чтобы края не расходились.

Каплан поправил очки, вооружился специальной иглой и наклонился над раной…

* * *

Старый охотничий пес породы западносибирская лайка, вдоволь наевшись овощей с мясом, мирно дремал по другую сторону костра.

– Кто эта баба? Откуда она? – спросил Каплан, захватывая край раны иглой.

– Извини, Иосиф, – чиркнув спичкой, Иван Семенович раскурил «приму», – но паспорта при ней не оказалось.

– Вот приведешь ее в чувство и познакомишься, – с усмешкой добавил Палыч.

Все заулыбались. Иван, Палыч и Леха к этому моменту отдышались, успели перевести дух. Проблема с неизвестным чужаком, тревожившим лагерь геологов, наконец, разрешилась, и напряжение ослабло.

Женщина лежала неподвижно с закрытыми глазами. Иногда ее пальцы чуть заметно шевелились, словно она пыталась за что-то ухватиться.

– Часа три петляли по кровавому следу, покуда он не потерялся на берегу Тетерина ручья, – пробасил Иван.

– Потом еще столько же пытались его найти, – добавил Палыч. – Так и не нашли бы, если б не Лешкин слух.

Все, кроме Иосифа, посмотрели на Лешку.

Тот скромно улыбнулся:

– Да чего там… Ветер помог – донес порывом что-то похожее на собачий вой. Вот я и начал прислушиваться.

– Полина, поправь свет, – приказал Каплан.

Она наклонила фонарь ниже.

– Ага, хорошо, – кивнул он, затягивая узел первого шва. – И что же? Собака, стало быть, выла?

– Еще как! – усмехнулся Палыч.

Иван выпустил клуб табачного дыма.

– Собака конечно помогла отыскать небольшую пещеру в скале. Но внутрь ни в какую не пускала.

– Даже была мысль пристрелить, – добавил Леха. И виновато развел руками: – А что оставалось делать?

Палыч присел возле смирно сидящего пса и потрепал его холку.

– Смекнул, слава богу, что мы пришли с миром. Успокоился. Отошел в сторону и лег, всем видом показывая, что поверил.

Игла снова прошла сквозь кожу, нить осторожно стянула рваные края раны.

– И что же, она лежала в пещере? – пухлые пальцы удивительно ловко управлялись с иглой, словно Иосифу приходилось штопать раны каждый божий день.

– Да там пещера – одно название, – отмахнулся Иван. – От дождя разве что спрятаться.

Лешка добавил:

– Снаружи было небольшое кострище, а внутри нашли старое одеяло и еще какое-то тряпье.

– Странно все это, – посмотрел Каплан на измученное лицо женщины. – Одна в тайге. Без вещей. С собакой…

– Интересно, как давно она там обитала? – подал голос Вартанян.

– Да, вопросов к ней много, – Иван бросил окурок в костер. – Обо всем расспросим. Пусть только оклемается…

* * *

Затянув последний узел и отрезав ножницами нить, Каплан промокнул рану чистой марлей. Затем наложил на плечо несколько слоев бинта, закрепил повязку.

Завершилось врачевание двумя инъекциями – столбнячным анатоксином и антибиотиком. Лишь после этого Иосиф снял тонкие резиновые перчатки и повернулся к остальным.

– Готово. А теперь ее надо отмыть.

– Прямо сейчас? – удивился Вартанян.

– А когда? Через неделю? Чтоб она еще кожную инфекцию подхватила?

– А где ее мыть-то? – огляделся по сторонам Палыч. – К реке что ли тащить?

– Зачем?! – фыркнул Иосиф. – Прямо здесь вымоем теплой водой. Главное – не мочить повязку.

Палычу план понравился.

– Втроем справитесь? – спросил он.

Иосиф, Пашка и Полина переглянулись.

– Запросто.

– Мы тогда поужинаем у костерка. С раннего утра в желудках – ни крошки…

Каплан накинул на свою шею чистое полотенце. И, обращаясь к лежащей женщине, пробормотал:

– Ну что, красавица, будем приводить тебя в человеческий вид…

Пока он осторожно обмывал тело вокруг раны, Полина с Пашкой сняли с женщины брюки. Они были жутко грязными, с дырами на коленях; ткань местами прилипала к коже.

Женщина была сильно истощена. Ноги казались тонкими и непривычно длинными. Колени резко выступали, кожа на них была покрыта ссадинами и засохшей грязью. Под ребрами почти не осталось плоти.

– Бедняжка… – тихо произнесла Полина.

Иосиф видел всякое, но сейчас тоже не сдержал удивления:

– Килограммов сорок осталось живого веса – не больше.

Полина вызвалась отмыть лицо и волосы женщины. Она осторожно приподняла ее голову, и та застонала. Но в себя не пришла и глаз не открыла.

– Потерпите, – прошептала девушка. – Скоро станет полегче.

Пашка понемногу лил из ковшика теплую воду, Иосиф обмывал тряпицей нагое тело. Женщину повернули на правый бок, потом на левый. Кожа постепенно возвращала свой естественный цвет, хоть местами и была покрыта ссадинами.

– Ну-ка, Полинушка, подмой ее хозяйство, – распорядился Каплан, раздвинув бедра незнакомки.

И вдруг замер. Потом протянул руку, осторожно провел пальцами по этому «хозяйству». И, схватив стоявший на лавке фонарь, склонился над головой женщины.

Когда он распрямился и осенил себя крестом, лицо его было бледным.

– Иван, Юра. Мужики… – нерешительно позвал он не своим голосом.

Каплан был не из пугливых, и те моментально, отставив котелки с чашками, оказались рядом.

– Гляньте, – таинственно прошептал он, освещая фонарем лицо женщины.

Иван поперхнулся и закашлялся. Палыч тихо выругался. Вартанян в замешательстве отступил на шаг.

А Пашка выронил ковшик…

2. Хмурое утро

Ночью, впервые за этот выход в поле, погода сломалась. Сначала усилился ветер; его порывы раскачивали верхушки сосен, отчего тайга наполнилась скрипом, шорохами и треском ломающихся веток. Над лагерем проносились низкие облака, изредка осыпая его мелким дождем.

Ритку насухо вытерли, перенесли в «штабную», поместили на лежак и укрыли двумя одеялами. Она лежала неподвижно – без сознания, со слабым, но ровным дыханием.

Теперь, после мытья, ее можно было рассмотреть. Темные волосы средней длины, худое лицо, тонкие руки, острые ключицы. От прежней женщины, которую помнили мужчины, почти ничего не осталось.

И все-таки это была она – Рита.

Рядом с ней остались двое – хлопотавший у печи Иван Семенович и не расстававшийся с аптечкой Иосиф Каплан.

Подбросив дровишек в огненное жерло, Иван затворил дверцу, присел к рации, щелкнул тумблером и надел наушники…

Минут через пять тяжело поднялся и, направляясь к выходу, проворчал:

– Хреновый прогноз…

* * *

Геологи сидели за длинным деревянным столом. Палыч с Лехой заканчивали ужинать, Вартанян пил чай, Винт дымил папиросой. Полина с Пашкой просто молчали. Рядом потрескивал костер; изредка налетавший ветер подхватывал его оранжевые всполохи и уносил их в ночь.

– Не понимаю, – качнул головой Вартанян. – Как такое вообще возможно?

– А чего тут не понимать? – буркнул Палыч. – Вон она – лежит в «штабной».

– С этим все понятно. Я другого не понимаю: мы же ее похоронили.

– Значит, не ее, – заключил Палыч, отодвинув пустую тарелку.

Все посмотрели на него.

– В смысле? – почти шепотом спросил Леха.

– В прямом, – пожал плечами Палыч. – Если Ритка живая, стало быть, в могиле у тропы лежит череп, позвоночник и кости другого человека.

Пашка с Полиной одновременно повернули головы к дальней землянке, от которой в тайгу убегала тропинка. Недавно они были уверены в том, что Рита погибла, и ее останки лежат под могильным холмиком у тропы. Теперь в сознании все перевернулось. Женщина с черно-белой фотографии – красивая, уверенная, с короткой мальчишеской стрижкой, прожившая в этой тайге целую жизнь и погибшая здесь же – внезапно ожила и находилась в штабной. Всего в нескольких шагах. Сильно исхудавшая, слабая, раненая. Но живая.

Плеснув в кружку заварки и кипятку, Палыч вернулся на место и подытожил:

– Чего попусту ломать мозги? Очнется и сама все расскажет.

Тяжелая дверь «штабной» распахнулась, на пороге появился Иван Семенович.

– Слушаем сюда, мужики, – произнес он озабоченным тоном. – Ночью синоптики обещают сильный дождь, ветер до пятнадцати метров. И температуру почти до нуля. Завтра днем – то же самое, поэтому на маршрут не пойдем. Распихать все имущество по землянкам. Запастись водой, консервами и сухими дровишками.

– А этого куда? – Леха кивнул на спящего пса.

– В бане заприте. За работу…

* * *

– Ложись, девонька, с краю. Поспи, – предложил Иван Семенович.

Полина поставила в угол тазик, наполненный чашками, кружками, ложками и покосилась на Риту.

– Я пока не хочу, – тихо сказала она.

– Чего так? Время-то позднее.

– Страшно.

– Что ж в ней страшного? – развел руками Каплан.

– Не знаю… Как-то все это… необычно. И потом… я ж в нее стреляла. Могла убить.

– Ну не убила ж, – приобнял ее Иван. – А что стреляла – так это правильно. Ты же не знала, кто там в кустах. Ты защищала себя и лагерь. Не зря, выходит, тебя Палыч обучал.

Выполнив распоряжение Ивана, Полина собрала со стола всю посуду, принесла ее «штабную» и теперь стояла, не зная, что делать дальше.

– Ладно. Давайте поступим так, – по-хозяйски распорядился он. – У нас есть одно свободное место на лежаке. Будем использовать его по очереди. Двое, стало быть, бодрствуют, дежурят. Третий – отдыхает.

– Дело говоришь. Кому-то все равно надо следить за состоянием Ритки, – согласился Каплан. – Аптечка наготове. Дровишек надо подкидывать в печурку, и чайник регулярно подогревать.

– Кашку бы неплохо сварить. Жиденькую, – подсказала Полина.

– Умница, – похвалил Иосиф. – Кашка для нее сейчас – в самый раз.

На том и порешили…

* * *

Полина еще раз покосилась на лежавшую под одеялами Риту и покачала головой:

– Нет, я пока не лягу. Лучше займусь кашей, чтоб она была готова. Если Рита очнется, ее надо будет сразу покормить.

– Правильно, – одобрил Каплан. – Только вари жиденькую. А кормить будем маленькими порциями.

– А ты чего? – повернулся Иван к Иосифу. – Не хочешь прилечь?

– Я-то? Могу. Но тебе сейчас отдых нужнее. Ты с утра по тайге мотался, потом еще носилки тащил. Ложись давай.

– Да я вроде отдохнул.

– Ага. И поэтому глаза у тебя красные, как у кролика.

Иван хотел что-то возразить, но зевнул.

– Ладно. Только ненадолго.

Он снял сапоги, забрался на свободный край лежака, прикрыл глаза. И через пару минут огласил «штабную» ровным храпом.

Каплан усмехнулся:

– Ненадолго…

Полина поставила на печь небольшую кастрюльку с водой, насыпала крупу и принялась помешивать кашу деревянной ложкой. В штабной было тепло. За стенами барабанил дождь, порывами завывал ветер. Иногда где-то в лесу с треском ломались ветви деревьев.

Каплан подбросил в печь несколько поленьев и присел на табурет перед лежащей на столе аптечкой.

Некоторое время они молчали.

– Все-таки не укладывается у меня в голове, – тихо сказала Полина.

– У меня тоже.

– Она ведь считалась погибшей.

– Считалась, – Иосиф оглянулся на лежак. – Мы своими глазами видели то, что от нее осталось. Череп, позвоночник и несколько обглоданных костей. Все остальное растащили медведи.

Полина перестала мешать кашу.

– А почему вы решили, что это были останки Риты?

– Странный вопрос, – насмешливо посмотрел на нее Иосиф. – Мы вернулись с маршрута в лагерь. Ритки нет, над потухшим костром висит котел с недоваренным супом. На тропе – в тридцати шагах от лагеря – лужа свежей крови с обглоданными костями и порванной Риткиной одеждой. Тут же валяется карабин со стреляной гильзой в патроннике. Что бы ты решила на нашем месте?

– Кого же тогда растерзал медведь?

– Вот это, Полинушка, самый главный вопрос.

Каша тихо забулькала. Полина передвинула кастрюльку к краю печи.

– Как она вообще столько времени прожила одна?

– Как… – Иосиф посмотрел на Риту. – Сама видишь, как. Судя по всему, не жизнь у нее была, а выживание. Кожа да кости…

Полина снова помешала кашу.

– Почему же она не вернулась?

– Я бы задал вопрос по-другому.

– Как?

– Почему она вообще исчезла из лагеря? И не просто исчезла, а сделала так, чтобы все указывало на ее гибель.

Несколько секунд они оба смотрели на Риту.

Та лежала неподвижно, лишь одеяло на ее груди мерно и чуть заметно вздымалось от ее дыхания.

Дождь снаружи усилился. Порывы ветра обдавали крышу землянки россыпью крупных капель.

– Наберись терпения, Полинушка, – Каплан поднялся с табурета, подошел к лежаку и осторожно поправил на женщине одеяло. – Скоро все узнаем.

– Она очнется? Ей хуже не станет?

– Очнется, – уверенно сказал Иосиф.

Полина подцепила на кончик ложки немного каши, попробовала.

Чуть посолив и добавив кусочек сливочного масла, она накрыла кастрюльку крышкой и переставила ее на стол.

– Готово…

* * *

У Полины усталость была не физической. За несколько прожитых в лагере дней она успела привыкнуть к нехитрым обязанностям и уже не валилась с ног под вечер. Прошедший день ее вымотал эмоционально. Переживание за ушедших на поиски мужчин. Нервное ожидание в сумерках и в наступившей темноте. Наконец, ошеломившее известие о живой Рите…

В общем, когда, проснувшись, Иван Семенович ополоснул лицо ледяной водицей и приказал ложиться на его место, Полина уже не возражала. А едва накрывшись краем одеяла, даже не заметила, как уснула.

Около пяти утра ее сон был нарушен едва уловимым движением.

Сначала показалось, что это приснилось. Но одеяло снова чуть шевельнулось. Из-под него показалась рука Риты, тонкая, почти невесомая. Пальцы дрогнули и снова замерли.

Сон в миг отлетел. Полина приподнялась на локте.

Рита медленно открыла глаза и уставилась в потолок невидящим, мутным взглядом. Несколько секунд она лежала неподвижно, будто пыталась понять, где находится.

У печки тихо разговаривали Иван Семенович и Каплан. Оба курили; сизый табачный дым затягивало в приоткрытое поддувало. За стенами землянки по-прежнему бушевала непогода.

Полина бесшумно спрыгнула с лежака и тронула Ивана за плечо.

– Она очнулась.

* * *

Риту слегка приподняли, подложив под ее голову вторую подушку.

Иосиф кормил ее из кастрюльки жидкой кашей. Иван сидел рядом, гладил ее по руке, и тихим басом успокаивал:

– Все образуется. Ты помолчи пока – не трать силы. Вот откормим тебя, подлечим… Тогда и поговорим.

Полина устроилась на табурете у стола. Она нарочно подвинула табурет так, чтобы грузная фигура Каплана скрыла ее от Риты.

Когда взгляд Риты стал осмысленным, она быстро узнала Ивана и Иосифа; ее потрескавшиеся губы даже изобразили подобие улыбки. А вот на Полину Рита отреагировала неожиданно – ее лицо исказилось страхом, пальцы вцепились в одеяло и потянули его к подбородку, словно женщина пыталась спрятаться, исчезнуть. Полине пришлось отступить в темный угол землянки, чтоб она успокоилась.

– Не тушуйся, девонька, – шепнул Иван. – Это потому, что она видела, как ты в нее стреляла…

Иосиф кормил Риту медленно, небольшими порциями. Когда она качнула головой, Иосиф отодвинул кастрюльку и напоил ее из кружки сладким чаем, который тоже заваривала Полина.

– Пока достаточно, – сказал он. – Как себя чувствуешь?

Рита пошевелила рукой, подняла ее. Кашлянув в кулак, прошептала:

– Лучше, чем в пещере.

Иосиф посчитал ее пульс. Затем достал из аптечки механический тонометр. Надев манжету на худую руку Риты и накачав резиновой грушей воздух, он измерил давление. С градусником связываться не стал – просто приложил ладонь ко лбу истощенной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.